

П.И. Мельников-Печерский

В лесах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-4
ББК 84-4
П11

П11 **П.И. Мельников-Печерский**
В лесах / П.И. Мельников-Печерский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 778 с.

ISBN 978-5-458-05717-2

Этнограф-белледрист Павел Иванович Мельников-Печерский, более известный как Андрей Печерский, принадлежит к плеяде выдающихся русских литераторов середины XIX века. Оригинальная творческая индивидуальность, острая наблюдательность, знание народного быта и фольклора, прекрасное владение народной речью выдвинули его в ряд значительных писателей в то время, когда в литературе блистали такие корифеи критического реализма, как А. Толстой, Н. Некрасов, М. Салтыков-Щедрин, Ф. Достоевский, И. Тургенев, А. Островский, И. Гончаров. Благодаря совершенно особому таланту, своеобразному мировосприятию он сумел отобразить в своих произведениях то, что ускользнуло от взглядов этих и многих других художников слова.

Творчество писателя настолько ярко и самобытно, что и сегодня волнует, заставляет задуматься, открывает читателю неведомые грани русской жизни позапрошлого века, показывает своеобразие характеров наших соотечественников.

ISBN 978-5-458-05717-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© П.И. Мельников-Печерский, 2021

Павел Иванович Мельников
(Андрей Печерский)
В лесах

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Верховое Заволжье – край привольный. Там народ досужий, бойкий, смышленный и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то: пойдет лесная глуши, луговая черемиса, чуваша, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народ там другой: хоть русский, но не таков, как в Верховье. Там новое заселение, а в Заволжском Верховье Русь исстари уселилась по лесам и болотам. Судя по людскому наречному говору – новгородцы в давние Рюриковы времена там поселились. Преданья о Батыевом разгроме там свежи. Укажут и «тропу Батыеву» и место невидимого града Китеха на озере Светлом Яре. Цел тот город до сих пор – с белокаменными стенами, златоверхими церквами, с честными монастырями, с княженецкими узорчатыми теремами, с боярскими каменными палатами, с рубленными из кондового, негниющего леса домами. Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китеха. Сокрылся он чудесно, Божиим повеленьем, когда безбожный царь Батый, разорив Русь Сузdalскую, пошел воевать Русь Китежскую. Подошел татарский царь ко граду Великому Китежу, восхотел дома огнем спалить, мужей избить либо в полон угнать, жен и девиц в наложницы взять. Не допустил Господь басурманского поруганья над святыней христианской. Десять дней, десять ночей Батыевы полчища искали града Китежа и не могли сыскать, ослепленные. И досель тот град невидим стоит, – откроется перед страшным Христовым судилищем. А на озере Светлом Яре, тихим летним вечером, виднеются отраженные в воде стены, церкви, монастыри, терема княженецкие, хоромы боярские, дворы посадских людей. И слышится по ночам глухой, заунывный звон колоколов китежских.

Так говорят за Волгой. Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых наследников не бывало. Там Русь ссыстари на чистоте стоит, – какова была при праотцах, такова хранится до наших дней. Добрая сторона, хоть и смотрит сердито на чужжанина.

В лесистом Верховом Заволжье деревни малые, зато частые, одна от другой на версту, на две. Земля холодна, неродима, своего хлеба мужику разве до масленой хватит, и то в урожайный год! Как ни бейся на надельной полосе, сколько страды над ней не принимай, круглый год трудовым хлебом себя не прокормишь. Такова сторона!

Другой на месте заволжанина давно бы с голода помер, но он не лежебок, человек досужий. Чего земля не дала, уменьем за дело взяться берет. Не побрел заволжский мужик на заработки в чужу-дальную сторону, как сосед его вязниковец, что с пуговками, с тесемочками и другим товаром кустарного промысла шагает на край света семье хлеб добывать. Не побрел заволжанин по белу свету плотничать, как другой сосед его галка.¹ Нет. И дома сумел он приняться за выгодный промысел. Вареги зачал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки шить, топоры да гвозди ковать, весовые коромысла чуть не на всю Россию делать. А коромысла-то какие! Хоть в аптеку бери – сделаны верно.

Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит; гребни, донца, веретена и другой щепной товар работает, ведра,

ушаты, кадки, лопаты, коробья, весла, лейки, ковши – все, что из лесу можно добыть, рук его не минует. И смолу с дегтем сидит, а заплатив попенные, рубит лес в казенных дачах и сгоняет по Волге до Астрахани бревна, брусья, шесты, дрючки, слеги и всякий другой лесной товар. Волга под боком, но заволжанин в бурлаки не хаживал. Последнее дело в бурлаки идти! По Заволжью так думают: «Честней под оконьем Христовым именем кормиться, чем бурлацкую лямку тянуть». И правда.

Живет заволжанин хоть в труде, да в достатке. Сыстари за Волгой мужики в сапогах, бабы в котах. Лаптей видом не видано, хоть слыхом про них и слыхано. Лесу вдоволь, лыко ни почем, а в редком доме кочедыя найдешь. Разве где такой дедушка есть, что с печки уж лет пяток не слезает, так он, скуки ради, лапотки иной раз ковыряет, нищей братье подать либо самому обутсяся, как станут его в домовину обряжать. Таков обычай: летом в сапогах, зимой в валенках, на тот свет в лапотках...

Заволжанин без горячего спать не ложится, по воскресным дням хлебает мясное, изба у него пятистенная, печь с трубой; о черных избах да соломенных крышах он только слыхал, что есть такие где-то «на Горах».² А чистота какая в заволжских домах!.. Славят немцев за чистоту, русского корят за грязь и неряшество. Побывать бы за Волгой тем славильщикам, не то бы сказали. Кто знаком только со нашими степными да черноземными деревнями, в голову тому не придет, как чисто, опрятно живут заволжане.

Волга – рукой подать. Что мужик в неделю нарабатает, тотчас на пристань везет, а поленился – на соседний базар. Больших барышей ему не нажить; и за Волгой не всяк в «тысячники» вылезет, зато, как ни плоха работа, как работников в семье ни мало, заволжанин век свой сыт, одет, обут, и податные за ним не стоят. Чего ж еще?.. И за то слава те, Господи!.. Не всем же в золоте ходить, в руках серебро носить, хоть и каждому русскому человеку такую судьбу няньки да мамки напевают, когда еще он в колыбели лежит.

Немало за Волгой и тысячников. И даже очень немало. Плохо про них знают по дальним местам потому, что заволжанин про себя не кричит, а если деньжонок малу толику скопит, не в банк кладет ее, не в акции, а в родительску кубышку, да в подполье и зароет. Миллионщиков за Волгой нет, тысячников много. Они по Волге своими пароходами ходят, на своих паровых мельницах сотни тысяч четвертей хлеба перемалывают. Много за Волгой таких, что десятками тысяч капиталы считают. Они больше скупкой горянчины³ да деревянной посуды промышляют. Накупят того, другого у соседей, да и плавят весной в Понизовье. Барыши хорошие! На иных акциях, пожалуй, столько не получишь.

Один из самых крупных тысячников жил за Волгой в деревне Осиповке. Звали его Патапом Максимычем, прозвывали Чапуриным. И отец так звался и дедушка. За Волгой и у крестьян родовые прозванья ведутся, и даже свои родословные есть, хотя ни в шестых, ни в других книгах они и не писаны. Край ста-рорусский, кондовый, коренной, там родословные прозвища встарь бывали и теперь в обиходе.

Большой, недавно построенный дом Чапурина стоял середь небольшой деревушки. Дом в два жилья, с летней светлицей на вышке, с четырьмя боковушками, двумя светлицами по сторонам, с моленной в особой горнице. Ставлен на каменном фундаменте, окна створчатые, стекла чистые, белые, в каждом окне занавес-

ка миткалевая с красной бумажной бахромкой. На улицу шесть окон выходило. Бревна лицевой стены охрой на олифе крашены, крыша красным червляком. На свесах ее и над окнами узорчатая прорезь выделана, на воротах две маленькие расшивы и один пароход ради красы поставлены. В доме прибрано все на купецкую руку. Пол крашеный, – олифа своя, не занимать стать; печи-голландки, кафельные, с горячими лежанками; по стенам, в рамках красного дерева два зеркала да с полдюжины картин за стеклом повешено. Стулья и огромный диван красного дерева крыты малиновым трипом, три клетки с канарейками у окон, а в углу заботливо укрыты платками клетки: там курские певуны – соловьи; до них хозяин охотник, денег за них не жалеет.

По краям дома пристроены светелки. Там хозяйствские дочери проживали, молодые девушки. В передней половине горница хозяина была, в задней моленная с иконостасом в три тябла. Канонница с Керженца при той моленной жила, по родителям «негасимую» читала. Внизу стяпушая, подклет да покой работников да работниц.

У Патапа Максимыча по речкам Шишинке и Чернушке восемь токарен стояло. Посуду круглую: чашки, плошки, блюда в Заволжье на станках точат – один работник колесо вертит, другой точит. К такому станку много рук надо, но смышленый заволжанин придумал, как делу помочь. Его сторона место ровное, лесное, болотное, речек многое множество. Больших нет, да нет и таких, что «на Горах» водятся: весной корабли пускай, в межень курица не напьется. В песчаных ложах заволжских речек воды круглый год вдосталь; есть такие, что зимой не мерзнут: летом в них вода студеная, рука не терпит, зимой пар от нее. На таких-то речках и настроили заволжские мужики токарен: поставит у воды избенку венцов в пять, в шесть, запрудит речонку, водоливное колесо приладит, привод веревочный пристегнет, и вертит себе такая меленка три-четыре токарных станка зараз. Работа не в пример спорее. Таких токарен у осиповского тысячника было восемь, на них тридцать станков стояло; да, кроме того, дома у него, в Осиповке, десятка полтора ручных станков работало. Была своя красильня посуду красить, на пять печей; чуть не круглый год дело делала. Работников по сороку и больше Патап Максимыч держал. Да по деревням еще скупал крашоную и некрашоную посуду. Горянщиной сам в Городце торговал. Две крупчатки у него в Красной Рамени было, одна о восьми, другая о шести поставах. Расшивы свои по Волге ходили, из Балакова да из Новодевичья пшеницу возили, на краснораменских крупчатках Чапурин ее перемалывал. Мукой в Верховье он торговал: славная мука у него бывала – чистая, ровно пух; покупатели много довольны ей оставались.

У Макарья Патапа Максимыч две лавки снимал, одну в щепяном, другую в мучном ряду. Вот уж тридцать лет, как он каждый год выправляет торговое свидетельство и давно слывет тысячником. Денег в мешне у него никто не считал, а намолвка в народе ходила, что не одна сотня тысяч есть у него. И в казенны подряды пускался Чапурин, но большого припену от них не видал. Говаривал подчас приятелям: «Рад бы бросил окаянные эти подряды, да больно уж я затянулся; а помирать Бог приведет, крепко-накрепко дочерям закажу, ни впредь, ни после с казной не вязались бы, а то не будь на них родительского моего благословения».

Почет Патапу Максимычу ото всех был великий. По Заволжью никто его без

поклона не миновал; окольные мужики, у которых Чапурин посуду скапал, в глаза и за глаза называли его «наш хозяин». Доверие он имел не в одном крестьянстве, но и в купеческом обществе. Да вот какой случай раз приключился. Мостили Чапурин в городе мостовую, подряд немалый, одного залога десять тысяч было представлено им. Кончил работу, сдал как следует и поехал в город заработанную плату да залоги получать. Дорогой узнает, что назавтра торги на перевозку казенной соли в Рыбинск назначены. Посчитал, посчитал, раскинул умом-разумом, видит – поставка будет с руки: расшива без дела, бурлаки недороги, паводок девять четвертей. Приехал в город прямо на торги. Соляные чиновники так и ахнули, увидав Патапа Максимыча, – знали его. «Вот принес незваного-непрошоного», – тихонько меж собой поговаривают, – а дело-то у них с другими было полажено. Проведали, однако ж, соляные, что денег у Чапурина в наличности нет, упросили приятелей в строительной комиссии залогов ему не выдавать, пока на соль переторжка не кончится. Пошли в строительной водить Патапа Максимыча за нос, водят день, водят другой: ни отказа, ни приказа: «Завтра да завтра: то да се, подожди да повремени; надо в ту книгу вписать, да из того стола справку забрать». Известно дело!.. Чапурину невтерпеж... Дотянули строительные до того, что час один до переторжки остается, а денег не выдают. Смекнул Чапурин каверзы, видит, хотят его в дураки оплести. «Так врешь же, барин, – думает себе, – ты у меня погоди». Да, отвесив поклон строительным, вон из присутствия. Те: «Куда, да зачем, да постой!»; а он ломит себе, да прямо в гостиный двор. Там короткой речью сказал рядовицам, в чем дело, да, рассказавши, снял шапку, посмотрел на все четыре стороны и молвил: «Порадейте, господа купцы, выручите!» Получаса не прошло, семь тысяч в шапку ему накидали. «Будет, будет!.. – кричит Патап Максимыч. – Спаси вас Христос». Духу не переводя, поскакал на переторжку. Там ему первым словом:

– Залоги?

– Вот они! – молвил Патап Максимыч.

Отдал деньги и пошел цену сносить. Снес чуть не половину, а четыре копейки нажил на рубль. Очень недовольны соляные остались.

Патап Максимыч с семьей старинки придерживался, раскольничал, но закоснелым изувером никогда не бывал. Не держался правила: «С бритоусом, с табашником, щепотником и со всяким скобленым рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись». И раскольничал-то Патап Максимыч потому больше, что за Волгой издавна такой обычай велся, от людей отставать ему не приходилось. Притом же у него расколом дружба и знакомство с богатыми купцами держались, кредита от раскола больше было. Да, кроме того, во время отлучек из дома по чужим местам жить в раскольничих домах бывало ему привольней и спокойней. На Низ ли поедет, в верховы ли города, в Москву ли, в Питер ли, везде и к мало знакомому раскольнику идет он, как к родному. Всячески его успокоят, все приберегут, все сохранят и всем угодят. И то льстило Патапу Максимычу, что после родителя был он попечителем городецкой часовни, да не таким, что только по книгам значатся, для видимости полиции, а «истовыми», коренным. От часовенного общества за то ему почет был великий. А почет Чапурин любил.

Семья у него небольшая, сам с женой да две дочери. Богоданная дочка была еще, Груня-сиротка, ссызмальства Чапуриным призренная, – та уж замуж выдана была в деревню Вихорево за тысяччика. Родные дочери тоже на возрасте были:

старшей, Настасье, восемнадцать минуло, другая, Прасковья, годом была помо-
ложе. Только что воротились они в родительский дом от тетки родной, матери
Манефы, игумены одной из Комаровских обителей. Гостили девушки у тетки
без мала пять годов, обучались Божественному писанию и скитским рукодельям:
бисерны лестовки вязать, шелковы кошельки да пояски ткать, по канве шерстью
да синелью вышивать и всякому другому белоруччному мастерству. Отец тысяч-
ник выдаст замуж в дома богатые, не у квашни стоять, не у печки девицам во-
зиться, на то будут работницы; оттого на белой работе да на книгах больше они
и сидели. Настя да Параша в обители матушки Манефы и «часовник» и все
двадцать кафизм псалтыря наизусть затвердили, отеческие книги читали бойко,
без запинки, моглиправлять уставную службу по «Минее месячной», петь по
крошкам, даже «развод демественному и ключевому знамени» разумели. Выучи-
лись уставом писать и, живя в скиту, немало «Цветников» да «сборников» пере-
писали и перед великим праздником посыпали их родителям в подарение. А
Патап Максимыч любил на досуге душепасительных книг почитать, и куда как
любо было сердцу его родительскому перечитывать «Златоструи» и другие ска-
занья, с золотом и киноварью переписанные руками дочерей-мастериц. Ка-
кие «заставки» рисовала Настя в начале «Цветников», какие «финики» по бокам
золотом выводила – любо-дорого посмотреть!

Настя с Парашей, воротясь к отцу, к матери, расположились в светлицах
своих, а разукрасить их отец не поскупился. Вечерком, как они убрались, пришел
к дочерям Патап Максимыч поглядеть на их новоселье и взял рукописную тет-
радку, лежавшую на Нasti на столике. Тут были «Стихи об Иоасафе цареви-
че», «Об Алексее Божьем человеке», «Древян гроб сосновый» и рядом с этой
псалмой «Похвала пустынне». Она начиналась словами:

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест.
Сколько горести напрасно
Я в разлуке с милым должна снести...

Перевернул Патап Максимыч листок, там другая псальма:
Сизенький голубчик,
Армейский поручик.

Поморщился Патап Максимыч, сунул тетрадку в карман и, ни слова не сказав
дочерям, пошел в свою горницу. Говорит жене:

– Ты, Аксинья, за дочерми-то приглядывай.
– Чего за ними, Максимыч, приглядывать? Девки тихие, озорства никакого
нет, – отвечала хозяйка, глядя удивленными глазами на мужа.
– Не про озорство говорю, – сказал Патап Максимыч, – а про то, что девки на
возрасте, стало быть, от греха на вершок.
– Что ты, Максимыч! Бога не боишься, про родных дочерей что говоришь! И
в головоньку им такого мотыжничества не приходило; птенчики еще, как есть
слетышки!
– Гляди им в зубы-то! Нашла слетышков! Настасье-то девятнадцатый год,
глянь-ка ей в глаза-то – так мужа и просит.
– Полно грешить-то, Максимыч, – возвысила голос Аксинья Захаровна. –
Чтой-то ты? Родных дочерей забижать!.. Клеплешь на девку!.. Какой ей муж?..
Обе ничегоонько про эти дела не разумеют.

— Держи карман!.. Не разумеют!.. В Комарове-то, поди, всякие виды видали. В скитах завсегда грех со спасеньем по-соседски живут.

— Да полно ж грешить-то тебе!.. — еще больше возвысила голос Аксинья Захаровна. — Как возможно про честных стариц такую речь молвить? У матушки Манефы в обители спокон веку худого ничего не бывало.

— Много ты знаешь!.. А мы видали виды... Зачем исправник-от в Комаров каждую неделю наезжает... Даром, что ли?.. В Московкиной обители с белицами-то он от писанья, что ли, беседует?.. А Домне головщице за что шелковы платки дарит?.. А купчики московские зачем к Глафириным ездят?.. А?..

— Полно тебе, старый хрен, хульные словеса нести, — с озлоблением вскричала Аксинья Захаровна. — Слушать-то грех!.. Совсем обмиршился!.. Аль забыл, что всяко праздно слово на последнем суде взыщется?.. Повелся с табашниками-то!.. Вот и скружился. На святые обители хулу нести!.. А?.. Бога-то, видно, в тебе не стало... Знамо дело, зачем в Комаров люди ездят: на могилку к честному отцу Ионе от зубной скорби помолиться, на поклоненье могилке матушки Маргариты. Мало ль в Комарове святыни!.. Ей христиане и приезжают поклоняться. А по лесу сколько святых мест на старых скитах, разоренных!

— Уж исправник-от не тем ли святым местам ездит поклоняться? — усмехаясь, спросил жену Патап Максимыч. — Домашка головщица, что ли, ему в лесу-то каноны читает?.. Аль за те каноны Семен-от Петрович шелковы платки ей дарит?

Не вытерпела Аксинья Захаровна, плонула и вон пошла. Сама за Чапурина из скитов «уходом» бежала, и к келейницам сердце у ней лежало всегда.

Поспорь эдак Аксинья Захаровна с сожителем о мирском, был бы ей окрик, пожалуй, и волосник бы у ней Патап Максимыч поправил. А насчет скитов да лесов и всего эдакого духовного — статья иная, тут не муж, а жена голова. Тут Аксиньина воля; за хульные словеса может и лестовкой мужа отстегать.

Так исстари ведется. Раскол бабами держится, и в этом деле баба голова, потому что в каком-то писании сказано: «Муж за жену не умолит, а жена за мужа умолит».

Сел за стол Патап Максимыч. Хотел счеты за год подводить, но счеты не шли на ум. Про дочерей раздумывал.

«Хоть и жаль расставаться, а лучше к месту скорей, — думал он. — Дочь чужое скровище: пой, корми, холь, разуму учи, потом в чужи люди отдай. Лучше скорей тем делом повернуть. Для чего засиживаться?.. Мне же Данило Тихоныч намедни насчет сына загадку заганул... Что ж?.. Дом хороший, люди богобоязные, достаток есть... Отчего не породниться?.. Наастасья с Прасковьей не бесприданницы; с радостью возьмут. Жених, кажись, малый складный: и речист, и умен, дело из рук у него не валится... На крещенском базаре потолкуем и, Бог даст, порешим... А долго девок дома не держать... Долго ль до греха?»

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вечер крещенского сочельника ясный был и морозный. За околицей Осиповки молодые бабы и девки сбирали в кринки чистый «крещенский снежок» холсты белить да от сорока недугов лечить. Поглядывая на ярко блиставшие звезды, молодицы заключали, что новый год белых ярок породит, а девушки меж себя толковали: «Звезды к гороху горят да к ягодам; вдоволь уродится, то-то загуляем в лесах да в горохах!»

Стары старухи и пожилые бабы домовничали; с молитвой клали они мелом кресты над дверьми и над окнами ради отогнания нечистого и такую думу держали: «Батюшка Микола милостливый, как бы к утрею-то оттепело, да туман бы пал на святую Ердань, хлебушка бы тогда вдоволь нам уродилось!» Мужики вокруг лошадей возились: известно, кто в крещенский сочельник у коня копыта почистит: у того конь весь год не будет хромать и не случится с ним иной болести. Но, веря своей примете, мужики не доверяли бабым обрядам и, ворча себе под нос, копались среди дворов в навозе, глядя, не осталось ли там огня после того, как с вечера старухи пухи лучины тут жгли, чтоб на том свете родителям было теплее. В избах у красного угла толпились ребяташки. Притаив дыханье, глаз не спускали они с чашки, наполненной водою и поставленной у божницы: как наступит Христово крещение, сама собой вода колыхнется и небо растворится; глянь в раскрытое на един миг небо и помолись Богу: чего у него ни попросишь, все даст.

— Пусти нас, мамынька, с девицами снежок пополоть, — просилась меньшая дочь у Аксиньи Захаровны.

— В уме ль ты, Паранька? — строго ответила мать, набожно кладя под окнами мелом кресты. — Приедет отец да узнает, что тогда?

— Да ведь мы не одни! Все девицы за околицей... И мы бы пошли, — заметила старшая, Настасья.

— Пущу я вас ночью, с девками!.. Как же!.. С ума своротила, Настенка! Ваше ль дело гулять за околицей?

— Другие пошли же.

— Другие пошли, а вам не след. Худой славы, что ль, захотели?

— Какой же славы, мамынька? — приставала Параша.

— А вот как возьму лестовку да ради Христова праздника отстегаю тебя, — с притворным негодованием сказала Аксинья Захаровна, — так и будешь знать, какая слава!.. Ишь что вздумала!.. Пусти их снег полоть за околицу!.. Да теперь, поди чай, парней-то туда что навалило: и своих, и из Шишинки, и из Назаровой!.. Долго ль до греха?.. Девки вы молодые, дочери отецкие: след ли вам по ночам хвосты мочить?

— Да пошли же другие, — настаивала Настя. Очень ей хотелось поиграть с девицами за околицей.

— Коли пошли, так туда им и дорога, — ответила мать. — А вам с деревенскими девками себя на ряду считать не доводится.

— Отчего ж это, мамынька?.. Чем же мы лучше их?.. — спросила Настасья.

— Тем и лучше, что хорошего отца дочери, — сказала Аксинья Захаровна. — Связываться с теми не след. Сядьте-ка лучше да псалтырь ради праздника Христова почитайте. Отец скоро с базара приедет, утреню будем стоять; помогли бы лучше Евпраксеешке моленну прибрать... Дело-то не в пример будет праведнее, чем за околицу бегать. Так-то.

— Да, мамынька... — заговорила было Настя, — нам бы с девушками посмеяться, на морозце поиграть.

— Сказано, не пущу! — крикнула Аксинья Захаровна. — Из головы выбрось снег полоть!.. Ступай, ступай в моленну, прибирайте к утreni!.. Эки бесстыжие, эки вольные стали — матери не слушают!.. Нет, девки, приберу вас к рукам... Что выдумали! За околицу!.. Да отец-то съест меня, как узнает, что я за околицу вас

ночью отпустила... Пошли, пошли в моленную!

Помялись девушки и со слезами пошли в моленную.

– Ишь что баловницы выдумали!.. – ворчала Аксинья Захаровна, оставшись одна и кладя меловые кресты над входами и выходами, – ишь что выдумали – снег полоть!.. Статочно ли дело?.. Сведают, что Патапа Максимыча дочери по ночам за околицу бегают, что в городе скажут по купечеству?.. Срам один... Просто срам... Долголь девкам навек ославиться?.. Много недобрых-то людей... Как пить дадут – наплетут, намочалят невесть чего!.. И что им, глупым, захотелось за околицу?.. Чего не видали?.. Снег полоть, холсты белить!.. Да придется разве им холсты-то белить?.. Слава Богу, всего припасено, не бесприданницы... А теперь, поди, у девок за околицей смеуху-то, балованья-то что!.. Была и я молода, хаживала и я под Крещенье снежок полоть... Точим балясы до вторых петухов; парни придут с балалайками... Прибаутками со смеуху так и морят... И чего-то, чего не бывало!.. Ох, согрешила я, грешница!.. А хочется девонькам за околицу... Ну, да им нельзя, хорошего отца дети; нельзя!.. Ох, девичья пора!.. Веселья все хочется, воли... Девоньки мои, девоньки!.. и пустила б я вас, да как сам-то приедет, как сам-то узнает... Тогда что?..

В то время гурьба молодежи валила мимо двора Патапа Максимыча с кринками, полными набранного снега. Раздалась веселая песня под окнами. Пели «Авсень», величая хозяйствских дочерей:

Середи Москвы,
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Верей красны,
Ой Авсень, Таусень!..
У Патапа на дворе,
У Максимыча в дому
Два теремушка стоят,
Золотые терема.
Ой Авсень, Таусень!..
Как во тех теремах
Красны девицы сидят,
Свет душа Настасьюшка,
Свет душа Праксюшушка.
Ой Авсень, Таусень!..

– О, чтоб вас тут, непутные!.. – вздрогнув от первых звуков песни, заворчала Аксинья Захаровна, хоть величанье дочерей и было ей по сердцу. По старому обычаю, это не малый почет. – О, чтоб вас тут!.. И свят вечер не почитают, гревховодники! Вечор нечистого из деревни гоняли, сегодня опять за песни... Страху-то нет на вас, окаянные!

Гурьба парней и девок провалила. Какой-то отсталой хриплым, нестройным голосом запел под окнами:

Я тетерку гоню,
Полевую гоню:
Она под куст,
А я за хвост!
Авсень, Таусень!